

Год борьбы.

“Русскія Записки” родились в бурное время. Иные говорят, в апокалиптическое время. Мир старой европейской, “буржуазной” культуры уходит в прошлое, трещит и ломаясь, в конвульсиях войн и революцій. Есть ли это кризис гибели или рожденія? Объективно, со стороны, никто не может предсказать исхода. Мы живем в борьбѣ творческих и разрушительных сил, уже внутри социальной революціи (понимая это слово в самом широком смыслѣ) и, может быть, в передышкѣ между двумя мировыми войнами. Во всяком случаѣ, воздух насыщен грозой, но и шумом стройки. В этом хаосѣ противоборствующих сил не легко разобраться. Не пытаюсь давать далекіе прогнозы, попробуем сейчас подвести лишь баланс борющихся сил за самое послѣднее время — хотя бы за истекшій год.

Мы еще существуем. Европа не взорвалась, не погибла в пожарѣ новой войны. Это уже огромное достиженіе. Его значительность подчеркивается тѣм — конечно, скорее психологическим — фактом, что сейчас военная опасность кажется болѣе отдаленной, чѣм год тому назад. Как объяснить это новое оптимистическое настроеніе? Никакого замиренія Европы не произошло. Лига Націй потеряла послѣдніе остатки своего престижа. Почти всѣ страны лихорадочно вооружаются. Но среди этих вооружающихся стран с недавняго времени первое мѣсто заняла Англія. И это сразу измѣнило соотношеніе сил. До

сих пор вооружались агрессоры — народы, мечтающие о новом раздѣлѣ мира, народы, желющие войны как высшій принцип жизни. Против них стояла, хотя и вооруженная, но недостаточно сильная Франція. Англія умывала руки, стараясь сохранить нейтральное положеніе в континентальном конфликтѣ. Германія крѣпла и становилась все болѣе вызывающей. Франція относительно слабѣла. Ея внутреннее (искреннее) и вѣншее (вынужденное) миролюбіе дѣлали ее безмолвной зрительницей готовящагося нападенія. По частям, Германія уничтожила всѣ тяготящія на ней ограниченія Версальскаго мира (по существу не нам об этом жалѣть). Но когда весной 1936 г. она заняла своими войсками демилитаризованную Рейнскую зону, при молчаніи или даже сочувствіи Англіи, это нанесло престижу Франціи непоправимый ущерб. Франція сразу потеряла, если не симпатіи, то вѣрность своих союзников в Центральной и Восточной Европѣ. Это паденіе французскаго престижа напрасно было бы приписывать политикѣ Народнаго Фронта. Занятіе Рейнской зоны произошло при “правом” кабинетѣ Флаандера. Вѣншая политика Франціи — как и Англіи — мало зависит от смѣны политических настроеній внутри страны. Но паденіе французскаго престижа за послѣдній год фактъ печальный и несомнѣнный. Одной из первых реагировала Бельгія, разорвав союзныя отношенія, связывавшія ее с Франціей и Англіей, и заняв позицію сторонняго зрителя. Одним из послѣдствій новаго соотношенія сил было ослабленіе системы союзов, созданных Франціей в Восточной Европѣ для поддержанія status quo. Малая Антапта переживает кризис. Отдѣльные члены ея, Югославія, Румынія, ищут перестраховки, тянутся к сильным, угрожающим сосѣдям. Италія и Германія, терроризируя хаотическій міръ народов центральной и восточной Европы, объявляют Рим — Берлин осью европейской политики. Несчастливая Испанія первая почувствовала в своем тѣлѣ остріе новой европейской силы.

Сейчас не подлежит сомнѣнію, что возстаніе испанских генералов лѣтом прошлаго года было подготовлено Германіей, которая поддержала его послѣ немедленнаго провала и до сих пор, вмѣстѣ с Италіей, не перестает заливать кровью страну. Силы возстанія с самаго начала оказались ничтожными. Солдаты не только не пошли за своими командирами, но расправились с ними, гдѣ только могли. Мятсж был бы подавлен немедленно, если бы Германія не пришла на помощь самолетами, танками, а позже, вмѣстѣ с Италіей — и регулярными воинскими частями. Роль Италиі в этой лицемѣрной интервенціи постепенно росла, и сейчас является, пожалуй, болѣе значительной, чѣм Германіи. Сравнительно с ними участие совѣтской Россіи было гораздо скромнѣе, хотя не подлежит сомнѣнію, что русская авіація в критическій момент спасла Мадрид. Каковы бы ни были политическія страсти и классовыя противорѣчія, которыя развязали испанскую трагедію, сейчас всѣ внутреннія проблемы отошли на задній план. Фашистская интервенція является слабо прикрытым колониальным завоеваніем. Италія ищет опорных пунктов своей имперіи в западном бассейнѣ Средиземнаго моря. Германія прежде всего — желѣзных рудников и, может быть, испанскаго Марокко, которое должно быть началом ея колониальной экспансіи. С этой точки зрѣнія испанская оккупация является актом подобным захвату Абиссиніи. Безсиліе Англии и Лиги Націй помѣшать разбойничьему предиріятію Муссолини поощрило на большее. Слѣдующим дѣйствіем пиратов явился захват европейской и культурной страны. Европа, безсилная помѣшать насилію, стремится лишь локализовать войну. Организациія невѣщательства, как она проводится Лондоном и Парижем, фактически предоставляет Испанію Гитлеру и Муссолини. Лишь отчаянное сопротивленіе народной Испаніи, неожиданная героическая защита Мадрида спутала карты и испортила завоевателям удовольствіе этой колониальной экспедиціи.

За Абиссинією, Іспанією, хто будет третьей жертвой? Общій голос — и прежде всего кампанія германской печати — называет Чехословакію. Занятіе Чехословакіи мыслится при этом как первый прыжок в Россію. Реальна ли, близка ли эта опасность? Здѣсь то и выступает на сцену новый, упомянутый выше фактор: вооруженіе Англии. Полное осуществленіе англійской программы относится к будущему. Но неожиданная рѣшимость, проявленная миролюбивѣйшей из демократій, защищать себя и все, что уцѣло от “Европы”, как круга солидарных в защитѣ культуры народов, произвела уже охлаждающее дѣйствіе на авантюристов. Германія сбавила тон, — видимо, потеряла интерес к испанской кампаніи, и стоит на переломѣ своей политики. Ея молчаливость и сдержанность допускают различныя интерпретаціи. Но возможен и пересмотр всей германской политики: новая оріентація на Англию, или, шире, на Запад, с обезпеченіем себѣ каких-то (еще не ясных) колониальных компенсаций.

Как печальна судьба мира в нашей Европѣ, если друзья его должны возлагать послѣднія надежды на вооруженія! Но нѣтъ никаких сомнѣній, что цепротивленчество демократій вело Европу быстрыми шагами к всеобщей войнѣ. Сила не обосновывает права, но право должно опираться на силу. Иначе оно обречено на пограніе. За послѣдній год Лига Націй фактически перестала существовать. С выходом из нея держав фашистской (или Средне-европейской) коалиціи она потеряла остатки своего престижа — к великой радости всѣх почитателей насилія и к глубокому огорченію всѣх друзей мира. Она была далека от совершенства, эта Женевская Лига. Но все-таки это было зерно международнаго общенія, права, организаціи. Развиваясь, зерно это могло бы сохранить западную цивилизацію. Сейчас эта задача сохраненія мира переходит к мечу.

Мы знаем, по горькому опыту, живность принципа: *si vis pacem para bellum*, ириведшаго Европу к 1914 году.

Знаем, что вооружения сами по себе являются достаточной причиной войн. Если вооружения Англии заставили нас вздохнуть свободно, то лишь потому, что они дают передышку. Как Европа воспользуется ею, зависит от нея самой. Для дальнейшего упрочения мира необходимы два трудно выполнимых условия: 1) чтобы генеральные штабы потеряли решающее слово в вопросе о начале войны, 2) чтобы сильнейшие использовали временную выгоду своего положения для примирения с собою слабейших и для установления мира, основанного на справедливости. Разумеется, величайшим счастьем для человечества, прямым спасением от гибели было бы крушение тиранических режимов с военной и имморальной психологией, им присущей. Но это вводит нас уже в область внутренней политики.

Истекший год не принес значительных изменений в баланс фашистско-демократических сил. Восточная и Средняя Европа остаются черным кругом, сжимающим Чехо-Словацкую республику. Режим диктатуры сдѣлал успѣхи в Польшѣ, угрожает Румынии, за то отступает в Венгрии и Юго-Славии.

Фашизм в Германии, конечно, все еще крепок. Интеллигенция, широкие массы еще не утратили безумной зѣры в путь насилия, как выхода для национальных сил Германии. Международные успѣхи Гитлера поддерживала до сих пор крепость режима. Но интересно, что признаки охлаждения и недовольства уже накапливаются. Тяжелые жертвы, которые приносит страна, сама себя превратившая в военный лагерь и отрѣзавшая себя от хозяйственного общения с миром, не могут не вызывать недовольства. Население недоѣдает, отказываясь "от масла ради пушек". Правительство не доверяет рабочим, гдѣ социалистическія традиции оказались нестербимы: выборы в фабрично-заводские комитеты не состоялись. Растут случаи демонстрацій и протестов против режима, вчера еще всемогущаго. И в это самое время Гитлер имѣет безтактность — или

идеологическій фанатизм — вступить в конфликт с католической церковью. Мы должны были бы сказать — с христианством, если бы раскол в протестантской церкви и конформизм значительной части ея членов не затушевывал внутреннего смысла борьбы: религія государства и расы против религіи Христа. Торжественное осужденіе папой націонал-соціализма, в одной линіи с коммунизмом, имѣет громадное моральное значеніе. Этот акт Пія XI освобождает совѣсть милліонов христиан от бремени сомнѣній, хотя и указывает для нѣмецких католиков тернистый путь исповѣдничества.

Менѣе остр и публичен конфликт между Гитлером и военными кругами, назрѣвающій в послѣднее время. Армія, конечно, не возражает против деспотизма, но у нея есть собственные взгляды на задачи національной обороны. Это расхожденіе сказалось в испанском предпріятіи и, повидимому, оно выпудило Гитлера нѣсколько свернуть военныя операціи. Пока одержимый пророк націонал-соціализма сохраняет достаточно ума, чтобы повиноваться саблѣ (примирясь с враждебным ему Людендорфом), его власть спасена. Но тогда она все болѣе превращается в идеологическое прикрытіе военной диктатуры. Так уже проясняется один из путей (повидимому, наиболѣе вѣроятный для Германіи) ликвидаціи расистской революціи. Увы, этот путь не совпадает ни с надеждами демократіи ни с интересами мира. Но, подводя итоги германской “революціи”, несправедливо было бы отрицать ея соціальных достиженій. Мы говорим здѣсь не только о государственном планѣ народнаго хозяйства, но и о перерожденіи классовой структуры общества. Соціальный демократизм сдѣлал в Германіи большіе успѣхи. Интеллигенція приблизилась к народу. Имущественное неравенство смягчилось. Государство сдѣлало шаг навстрѣчу трудовому идеалу, и соціальное обезпеченіе низших классов не является там пустым звуком, как в коммунистической Россіи.

Фашистская Италия не проявила подобного социального напряжения. Ее хозяйственная структура почти не отличается от капиталистических стран (буде таковыя еще существуют). Корпоративное государство существует на бумаге. Поэтому язвы умирающего капитализма чувствуются и в Италии — в той же мере, как и повсюду. Вся энергия Муссолини поглощена идеей империи. Провозгласив себя Империей, Италия вступила на путь завоеваний. Ее успехи, опьянение славой окрыляют режим известным ореолом. Однако, это и подрывает его прочность. Война, даже счастливая, требует огромного напряжения денежных и человеческих средств — быть может, превышающих возможности итальянского народа. Абиссиния далеко еще не покорена, война в Африке вступила в хронический фазис, и когда еще новая Империя станет рентабельной? Достаточно серьезной внешней неудачи, чтобы режим дал трещину. О недовольстве в Италии свидетельствуют путешественники. В испанских боях итальянцы охотно сдаются в плен. Империя Муссолини, гораздо менее современная, чем "Рейх" Гитлера, очень напоминает империю Наполеона III. Тот же конец угрожает и ей, хотя сейчас ее вождь еще идет от успеха к успеху.

В лагере демократии мы имеем основание смотреть с удовлетворением на истекший год. Год борьбы и усилий, настоящего и притом безкровного строительства. Уже никто не имеет сейчас права на позорное уравнение: демократия — капитализм. Из демократий Запада лишь Англия медлит или собирается с силами. В трех странах социальные "опыты" стоят в центре мирового внимания. (О других опытах, как например Швеции или Швейцарии говорят мало). Америка по-прежнему идет впереди, и от результатов ее работы в значительной мере зависят судьбы мира. Рузвельт с непредвиденным и небывалым триумфом вышел из национального испытания выборов. Можно было опасаться, что его собственная удача, преодоление кризиса, смягчение безработицы, вызванный им дух prosperity — приведут

к капиталистической реакціи. “Мавр сдѣлал свое дѣло”. Прикоснувшись к священным в Америкѣ интересам капитала, затронув в принципѣ свободу хозяйства, Рузвельт вооружил против себя слишком могущественных врагов. Но вот нація огромным большинством своим дала ему мандат на продолженіе опыта. Верховный Суд, опора социальной реакціи, склонился перед волей народа.

Франклин Рузвельт не доктринер. В этом, безспорно, его сила. Он проводит свой опыт, не провѣряя предвзятую идею, а нащупывая новое, неизвѣстное. Он прав, ибо всѣ готовыя экономическія идеи провалились. Но в этом эмпиризмъ есть и элемент слабости. Дѣйствуя с разных концов, президент вывел страну из хозяйственного кризиса. Однако вся структура стараго общества осталась непоколебленной. Капитализм еще существует, биржа еще хозяйничает, и даже способна гангстерскими пріемами спекулятивной игры снова поставить народ на край гибели. Рузвельт видит это и не обольщается новым подъемом. Он признает его спекулятивный характер. Что он предпримет для конструктивнаго преодоленія капитализма, мы не знаем. Знает ли он сам? Пока, главным достижением перваго періода опыта остается побѣда над экономическим индивидуализмом. В Америкѣ это гигантская сила. Она была еще недавно душой національной жизни. Теперь она убита.

Новое явленіе американской жизни — это возросшая активность рабочаго класса. Непрерывающаяся волна забастовок об этом свидѣтельствует. Движеніе нашло себѣ и вожда в лицѣ Джона Льюиса, уведшаго часть рабочих союзов из-под консервативнаго руководства Американской Федерациі Труда. Вдали от событий мы не можем еще оцѣнить по-настоящему новую силу. Она не хочет быть силой революціонной. Льюис ведет борьбу с коммунизмом. Рост сил рабочаго класса в Америкѣ — есть факт, безспорно, положительный. До сих пор капиталистическій мір был много сильнѣе рабочаго. Именно он оказывал главное противодѣйствіе социальным реформам. Стачечное движеніе

шло в руслѣ Рузвельтовской политики, для которой повышение рабочаго standard of life и индустриальная демократія являются необходимыми звеньями. Однако, методы борьбы, выходящіе из рамок легальности, вызывают сомнѣнія. Если сила сдѣлается в Америкѣ рѣшающим фактором, и руководство движеніем выпадет из рук правительства, странѣ не миновать гражданской войны. С другой стороны, сепаратныя выступленія рабочаго класса могут разбить единство интересов в лагерь демократіи. Если фермеры выступят против рабочих (признаки чего уже налицо), все дѣло Рузвельта погибнет. Классовая борьба в Америкѣ — как и в Германіи, — как и всюду — оказывается сильнѣйшим врагом конструктивнаго социализма.

Бельгійскій опыт продолжается, хотя, естественно, привлекает к себѣ меньше вниманія. Обще-народная коалиція трех партій — католиков, социалистов и либералов, составленная для проведения социальной реформы, — не распалась. Ван-Зеланд вышел побѣдителем из испытаній. Что касается реформы, то закончена до сих пор лишь финансовая ея часть. Государство стало руководителем всей системы кредита. Остаются задачи гораздо большей важности: организація хозяйственной жизни. В какой мѣрѣ план Де-Мана, вдохновлявшій первые шаги реформаторов, воплотится в жизнь, неизвѣстно. Реформа в Бельгійи проводится с большой постепенностью, — можно сказать, медлительностью. Не нам судить работников, в добрую волю которых мы вѣрим. Но эта медлительность, несомнѣнно, привела Бельгійю на край очень опаснаго кризиса, из котораго она до сих пор выходит благополучно. С одной стороны, стачки углекопов указывают на недовольство масс. С другой, быстро растущее фашистское движеніе рексистов эксплуатирует, как это недовольство, так и страх буржуазіи перед коммунизмом. В Бельгійи мы присутствуем при единоборствѣ двух сил, притязающих на руководство общественной реформой: фашизма и демократіи. Дегрель обладает всѣми качествами, которыя дѣлают вождя

популярным для масс: энергией, вѣрой в себя, безстрашием в обличеніи социальных язв. К сожалѣнію, Ван-Зеланд, человек науки, а не трибуны, не обладает темпераментом бойца и демагога. Он едва не выпустил из рук руля. К счастью, здравый смысл народа сдѣлал свой выбор. Дегрель потерял жестокою неудачу на Брюссельских выборах. Но и демократія должна вынести из пережитого кризиса урок для себя: она не может работать в кабинетах, без постоянной связи с массами; ощущение пульса народной жизни, народного волнения должно передаваться ей и опредѣлять темп ее работы.

Послѣ опытов Рузвельта и Ван-Зеланда — опыт Блюма. Но можно ли говорить об опытѣ Блюма в том же, социальном, смыслѣ? Признаюсь, на исходѣ перваго года, мы в этом сомнѣваемся. Блюм произвел много реформ — социальных, демократических, справедливых: положеніе рабочаго класса серьезно улучшилось, — в рамках капитализма. Сокращеніе трудового дня и трудовой недѣли, двухнедѣльные каникулы, ограниченіе власти патрона на заводѣ властью синдиката, — все это давно назрѣвшія реформы, но большей частью осуществленныя в передовых странах капитализма, еще в XIX столѣтіи. Из организических реформ можно назвать, пожалуй, нормировку сельскаго хозяйства — его продукціи и его цѣн. Ставит ли перед собою Блюм задачу социального переустройства общества? Много раз он отрицал это. Он подчеркивает неизблемость собственности и прав предпринимательства. Он отрицает свое намѣреніе вести социалистическую политику. Блюм пришел к власти как вождь Народнаго Фронта, участіе радикалов в котором полагает границы социальному новаторству. Офіціальною цѣлью Народнаго Фронта была борьба с фашизмом. Социальные реформы явились лишь побочным вознагражденіем одного из участников общей побѣды. Но нѣтъ сомнѣнія, что жизнь увела Народный Фронт гораздо дальше поставленных им цѣлей. Жизнь — это прежде всего давленіе рабочаго класса, упоеннаго

сознанием своих сил, идущаго от побѣды к побѣдѣ и, конечно, не желающаго помириться на меньшем, чѣм на уничтоженіи предпринимательской власти.

Здѣсь одна из опасностей, подстергающих Блюма. С прихода к власти его кабинета и по настоящій день не прекращаются забастовки, часто стихійныя, во всяком случаѣ не руководимыя никакими отвѣтственными организациями рабочаго движенія. Ни С.Ж.Т. (проф. союзы) ни коммунистическая партія не руководят массами. Забастовки не отличаются характером насильственности (правда, нигдѣ правительственныя силы не выступают против них), но онѣ и не пытаются держаться в рамках закона. В политической жизни Франціи давленіе масс сказывается гораздо грубѣе. Им удалось почти уничтожить свободу собраній для правых партій. В уличных столкновеніях, не всегда безкровных, народ поддерживает свое право на своеволие. Правительство проявляет почти полное безсиліе, вызывая тревожныя опасенія на счет возможности революціонной диктатуры.

Если в политикѣ власть уступает пролетаріату, то в вопросах финансовых капитал диктует свою волю. В этом главный парадокс французской жизни. Блюм, нуждаясь в огромных средствах для своих социальных реформ, равно как и для національной обороны, вынужден прибѣгать к займам. И здѣсь буржуазія ставит ему свои условія. Коммунисты, или рабочія массы, не понимают этой необходимости. Им кажется, что богатые — 200 семейств — должны платить за все. Но распредѣленіе богатств во Франціи дѣлает иллюзорными надежды на экспроприацію капиталов путем налогового обложенія. Франція — страна мелких собственников, мелких рантье. Во Франціи бѣдняки живут процентом с капитала и не допустят экспроприаціи. В этой социальной структурѣ Франціи положен предѣлъ социальной реформы. Франція не может быть ведущей страной социальных опытов. Правительство Блюма мы назвали бы правительством не опыта, а перемирія.

С этой точки зрѣнія, Блюм до сих пор блестяще справлялся со своей трудной задачей. Его кабинет — один из самых твердых в истории III республики. Огромное парламентское большинство ему до сих пор не изменяет. Много ума, такта, гибкости и доброй воли проявил вождь социалистов в тяжелой роли примирителя. Эта роль подчас становилась трагической — как в кровавую ночь Клиши. Едва ли Блюм обманывает себя большими надеждами. Но Франция оцѣнила его добрую волю. Блюм внушает уваженіе и своим врагам. До сих пор средние классы, несмотря на то, что они одни несут тяжелыя жертвы, поддерживают Народный Фронт, конечно, потому, что за крушеніем его предвидят взрыв гражданской войны. Дороговизна жизни, все возрастающая со времени девальвации (до 30%) всего тяжелѣе давит интеллигенцію, чиновничество, мелкаго труженика. В этом новая опасность для режима. Въдь из этого источника, из разоренія средних классов — фашизм черпает вездѣ свои силы. Во Франціи сейчас фашизма, как политической силы почти не существует. Но он неизбежно воскреснет, если отчаяніе овладѣет средними классами. Рознь частных, групповых интересов, отсутствіе національнаго подъема, который один может облегчить добровольныя жертвы всѣх классов для спасенія и реконструкціи общества — вот основной психологическій порок Франціи, которая, повидимому, умѣет находить свое единство лишь пред лицом вышшаго врага. В такой обстановкѣ, при такой социальной структурѣ, не приходится думать, что Блюм создаст новую, трудовую Францію. Его роль — продержаться, выиграть время, спасти страну от гражданской войны — в ожиданіи лучших времен: когда контуры новаго социального строя, выработаннаго в какой-либо другой странѣ, приобретут достаточную опредѣленность, чтобы распространиться путем реценціи, подобно старому парламентскому режиму.

Гражданскій мир, сохраненный во Франціи, давно нарушен в Испаніи. Уже год как эта прекрасная страна сдѣ-

далась ареной одной из самых жестоких гражданских войн, какія знала исторія. Звѣрства, совершаемыя обоими противниками дѣлают почти невозможным безраздѣльное сочувствіе какой-либо из сторон. Конечно, обнажившій меч несет и полную отвѣтственность. Просто непонятно, каким образом в широких кругах испанская смута может пониматься как революція — коммунистическая или анархическая. Возстаніе было с самаго начала фашистским. Коммунисты и анархисты защищали законный, демократическій порядок. Справедливость требует однако признать, что этот порядок вырождался уже в беспорядок, и фашистская революція была, в какой-то мѣрѣ, самообороной имущих классов. Иностранное вмѣшательство, (которое, впрочем, и подготавлило возстаніе) спутало карты. Сейчас выбор позиціи для демократическаго наблюдателя диктуется уже цѣлым рядом обстоятельств. Его сочувствіе — с испанским народом, отстаивающим свою независимость от интервентов, с народом — против привилегированных собственников, с демократіей против фашизма. И, однако, как мы сказали, это сочувствіе не может быть безраздѣльным. И не однѣ жестокости, совершаемыя защитниками республики, тому причиной. Другой источник нашей сдержанности — сомнѣніе в смыслѣ и цѣли борьбы, в результатѣ возможной побѣды. Невозможно, чтобы побѣдившій народ вернулся к старому режиму, к буржуазной демократіи. Он неизбежно потребует полного удовлетворенія своих социальных чаяній, — и здѣсь страну ждет новая чаша испытаній. Достаточно сказать, что анархисты в Испаніи составляют главную силу Народнаго Фронта. Возстаніе, недавно поднятое ими в Барселонѣ, показывает, чего республиканская власть может ждать от этих своих союзников. Между социалистами, коммунистами, анархистами и небольшими группами буржуазной демократіи неизбежна борьба. Едва преодолев одну гражданскую войну, Испанія рискует быть ввергнута в другую. Народ живет в состояніи экзальтаціи, фанатической непамяти и утопической мечты. По примитивности своего

соціального строя, а также по индивидуализму своего національного характера (здѣсь отличие от Россіи) Испанія — страна совершенно неприспособленная для соціальных опытов. К сожалѣнію, народы, соціально менѣе всего созрѣвшіе для социализма, политически всего восприимчивѣе к зовам революціи. Судьба Испаніи печальна, в чью пользу ни закончилась бы гражданская война.

В событіях, Испанской “революціи”, также как и в борьбѣ Народнаго Фронта во Франціи чрезвычайно интересна роль коммунистов. И здѣсь и там они потеряли свою позицію крайней лѣвой и превратились в защитников демократической коалиціи. Их революціонная роль кончилась. Они стремятся вернуться в лоно социализма, из котораго они вышли в 1920 году. Эта эволюція удивляет русских эмигрантов, которые подозревают здѣсь особое, скрытое коварство. Но нѣтъ, коммунисты, дѣйствительно, теряют кредит в революціонном крылѣ рабочаго класса. Их наслѣдіе принимают во Франціи “троцкисты” под самыми различными наименованіями, в Испаніи, кромѣ того, анархисты. Объясненія пужно искать, конечно, в Москвѣ. Вожди европейских коммунистических партій, матеріально и организаціонно, слишком связаны с Москвой, чтобы не слѣдовать ей политической линіи. Москва играет очень крупную роль в европейской политикѣ, и сейчас эта роль уже перестала быть революціонной. Причин много: играют и соображенія о безопасности СССР, система союзов с западными демократіями, которая несовмѣстима с подрывом тыла своих союзников. Но главное, другое. Коммунизм утратил всю свою революціонную вирулентность в самой Россіи, превратившись в партію російскаго націонал-социализма, в партію Сталина.

*
**

В Россіи тревожно. Россія вышла из ледяной неподвижности своего “полярнаго” социализма. Внутренніе процессы, разлагавшіе долго коммунистическій ледяной дом, про-

рвались наружу в стремительных обвалах старой идеологии, в крушении стольких революционных карьер. Последний год был, бесспорно, самым критическим в России со времени гражданской войны.

Правда, за всеми перемены, реформами, процессами, происходящими в России, остается неизменным одно: самодержавие Сталина, тот личный режим, которым завершилась, совершенно логически, партийная диктатура. Чем дальше, тем больше власть Сталина становится непререкаемой, неограниченной. Если раньше он правил от имени партии, то теперь он правит от имени народа. В этом, в расширении базы его личной диктатуры, заключался для него первоначальный смысл национализации Октября. Начавшись некогда с ограничения революционных задач "построением социализма в одной стране", за последние годы национализация революции сдѣлала огромные успехи. Реабилитация родины, патриотизма, русской истории, русской культуры — вот положительные итоги духовной контр-революции Сталина. С особой силой громы диктатора обрушиваются на запоздалые голоса анти-национальной марксистской традиции: на живого Демьяна, осмѣливавшегося глумиться над русскими богатырями и крещением Руси, на мертвого Покровского, вытравливавшего все положительное содержание из русской истории. Оправдывая подвиг св. Владимира, Дмитрия Донского, Петра Великого, Сталин чувствует себя продолжателем их исторического дѣла. Кажется, что он предпочел бы быть русским царем, чем вождем мирового пролетариата.

Одновременно с национализацией идеологии происходит общее гонение на классический марксизм-ленинизм во всех отдельных его приложениях: в философии, естествознании, экономикѣ, правѣ, истории, художественной культуры. Совершается это под флагом борьбы с троцкизмом, но истинно является то, что всегда составляло самую сущность русского марксизма в его ленинской транскрипции. От Маркса и Ленина остается лишь имя, священная символика, которая

нока нерушима, потому что с ней связана память об Октябре, о славе гражданской войны, о самом происхождении нового строя. Для послушных Сталинских перее поставлена нелегкая — точнее, неразрешимая — задача: оправдать новую национал-социалистическую идеологию от имени убиваемого марксизма. Это сообщает особо отвратительный отпечаток лжи всему тому, что пишется в области идеологии на страницах официальной прессы, которая морально обезцвпнвает радость освобождения от пут мертвой доктрины.

До сих пор эволюция сталинизма протекала довольно прямолинейно, хотя и болъе бурно в последние мѣсяцы. Ни социальные основы государственного капитализма, ни политический характер власти (единодержавие Сталина) этой эволюцией не затронуты. Но последний год принес цѣлый ряд явлений, совершенно новых, еще не выяснившихся в своем значении еще не укладывающихся в простую эволюционную схему. Создается впечатление, что диктатура мечется в судорожной борьбе со своими — для нас невидимыми — врагами, и что она дѣлает опасные эксперименты для удержания своей, — казалось бы, — весьма прочной власти.

В первую очередь, новая серия политических процессов, жертвами которых становятся одни за другим все ученики и соратники Ленина. Сталин не довольствуется тихим политическим убийством своих бывших товарищей: он ставит их к стѣнкѣ в подвалах ГПУ. Десятки официальных казней сопровождаются тысячами арестов и ссылок. Получается впечатление, что вся гигантская машина ГПУ работает теперь не для истребления остатков буржуазных классов (открыто реабилитируемых Сталиным), а для истребления большевиков. Разумеется, и здѣсь враг для прикрытия именуется троцкизмом: понимать под ним слѣдует революционный ленинизм.

Видъ всякаго сомнѣнія, Сталинские постановочные процессы представляют чудовищное нагромождение лжи, гдѣ почти немислимо добратъся до крупицы истины. Эта кру-

лица, однако, существует. Иначе ярость Сталина была бы необъяснимой. Очевидно, старая гвардія Ленина не хочет молча сходить на нѣт. Оппозицію ли только уничтожает Сталин, или серьезную опасность заговора против своей власти — мы не знаем. Во всяком случаѣ мы понимаем, что эта оппозиція — слѣва, и что, добывая ленинцев и громя свою бывшую партію, Сталин может лишь содѣйствовать своей популярности в странѣ.

Но дѣйствительно ли он пользуется популяриностью? Не является ли он скорѣе предметом ненависти для масс, и не диктуются ли его послѣднія дѣйствія стремленіем отвести от своей головы эту ненависть на головы своих сотрудников, старых партійцев и даже вѣрных исполнителей?

Об этой ненависти к "отцу народов" и к его режиму вообще все больше говорят за послѣднее время наблюдатели Россіи, иностранцы и русскіе бѣглецы. С тѣх пор, как Сталин поставил свою ставку на сильных, на новую "знать", разстояніе между классами в Россіи начало рѣзко возрастать. Матеріальное положеніе рабочих ухудшилось вмѣстѣ с ростом предъявляемых к ним требованій. Колхозное крестьянство вообще не могло примириться с его новым крѣпостным положеніем. Вот почему так двоятся — или двойдись — послѣдніе годы голоса из Россіи. "Строители", инженеры, стахановцы, командиры арміи, интеллигенція имѣют основаніе быть довольными общим направленіем политики. Писатели, засыпанные фигуральным золотом, может-быть, не за страх, а за совѣсть восхваляли вождя. На верху культурныя достиженія были несомнѣнны и исполняли искренних работников культуры бодрым чувством оптимизма. Но в то же самое время в низах, — в колхозах, на заводах, не говоря уже о милліонах лагерных каторжан, — зрѣло недовольство. Беспильное, разочарованное двадцатилѣтним опытом революціи, недовольство это не могло принять открытых форм протеста. Но оно ушло внутрь, затаялось и оравляло всѣ корни соціальной жизни. Сталинская Россія строится на зыбкой, предательской почвѣ.

Наблюдатели говорят о пораженческих настроеніях. Сталин лучше нас видит эту опасность. Припяло ли недовольство масс в послѣднее время болѣе активныя формы? Мы не знаем. Но цѣлый ряд фактов свидѣтельствует о попытках успокоить это недовольство низов — или обмануть его.

Сюда относятся прежде всего толки о партійном и безпартійном демократизмѣ, толки, переходящіе и в политическія дѣйствія. Перевыборы снизу партторгов и секретарей коммунистических ячеек были первым опытом. Опыт этот не носит комедійнаго характера. Массам рядовых коммунистов—вряд ли сильно отличающимся по своим настроеніям от пародной среды, — предоставлено было расправиться с давившими их партійными держимордами. Попутно были вычищены “троцкисты”, конечно, но, главное, был дан выход народному гнѣву — правда, в самом благонадежном, партійном секторѣ. Обѣщанная и прокламированная Сталиным конституція предполагает провести этот опыт в болѣе широком, всенародном масштабѣ. Сталин обѣщает дать массам право забаллотировывать партійных кандидатов. При отсутствіи всякой свободы и организованности масс это право не представляет большой опасности для диктатора. Но отдушиной недовольства оно может явиться. Может ли оно стать первой ступенью к настоящей, хотя бы и своеобразной, совѣтской демократіи, — в этом и заключается основной, неразрѣшимый для нас вопрос русской жизни. Вопрос о том, способен ли Сталин осуществить, или хотя бы начать необходимое раскрыщеніе русской жизни, который, в свою очередь распадается на два вопроса: понимает ли он неотложность этой задачи и способен ли он лично разрѣшить ее?

На второй вопрос легче дать отрицательный отвѣт. Личность Сталина столь отягощена грузом преступленій, его имя столь связано с закрѣпощеніем крестьянства, его вредительская роль, или отвѣтственность за всѣ срывы и неудачи строительства, особенно явные в текущем году, столь несомнѣнна, что едва ли ему может удасться спуск на тормазы.

зах. Судорожные, кажущіяся почти безумными дѣйствія его намекают на то, что вопрос для него идет о собственной головѣ. Расправа с Ягодой и бывшим ГПУ, посягательство на маршалов Красной Арміи, как будто свидѣтельствуют о том, что в ближайшем кругу его сотрудников зрѣют заговорщическіе планы. Сталин сам стал главной помѣхой для успѣхов сталинизма, т. е. своей національной политики послѣдних лѣтъ.

Но что бы ни случилось, и в чьих руках ни оказалась бы завтра власть, наша установка, русских патриотов и демократов, ясна. Мы не можем ставить на катастрофу, на разгром Россіи, на раздѣл ея в условіях серьезной иностранной угрозы, хотя бы под флагом так называемой “национальной” революціи. Наша ставка не на разрушительныя, а на созидательныя и охранительныя силы: прежде всего на новую русскую интеллигенцію “строителей” Россіи, на ея политическій разум, не потерявшій окончательной связи с породившим ее народом. В единеніи народа со своей интеллигенціей—залог раскрыщенія народнаго труда и освобожденія русской культуры.

Г. ФЕДОТОВ.